правлена и против „Эмиля“, и против „Исповеди“ Руссо, и — шире — против идей врожденной доброты, а следовательно, внутренней значительности человеческой личности».[4] «Моя исповедь», по мнению Ю. М. Лотмана, представляет собою «своеобразный „Антиэмиль“».[5] Исследование Ю. М. Лотмана содержит немало глубоких, прекрасно аргументированных положений, касающихся мировоззрения Карамзина, его художественной системы.

Бесспорно прав автор, ставя вопрос об эволюции мировоззрения Карамзина и намечая четкие периоды этой эволюции. Есть у Ю. М. Лотмана много справедливых и тонких замечаний о «Моей исповеди». Конечно, в этом произведении проявилась новая позиция писателя в начале 1800 г., сказалось здесь и стремление пересмотреть в некотором отношении свои собственные убеждения, а заодно переоценить и многие другие ценности. В этом смысле не оставалось у Карамзина неизменным и отношение к Руссо, сыгравшему значительную роль в становлении и развитии эстетики Карамзина. Нужно полагать, что сейчас, в период поправения, автору «Марфы Посадницы» во многом особенно не импонировал демократизм Руссо, наиболее последовательно проявившийся в «Исповеди».

Однако основной тезис Ю. М. Лотмана о «Моей исповеди» как утверждении идеи врожденно-эгоистической природы человека представляется нам весьма спорным. Дает ли произведение Карамзина основания для столь категорического утверждения? Нам представляется, что нет. Можно ли по герою «Моей исповеди» — персонажу явно сатирически отрицательному — говорить обо всем человечестве? Ведь совершенно не случайно герой «Моей исповеди» резко отличается от всех персонажей других произведений Карамзина, написанных не только *до*, но и *после* «Моей исповеди». Это — почти единственная сатирическая повесть Карамзина, направленная против безответственного дворянского воспитания, в результате которого попираются элементарные нравственные нормы и затаптывается в грязь высокое назначение человека.

Нам кажется, что «Мою исповедь» нужно рассматривать в ряду многочисленных материалов «Вестника Европы» об образовании, о воспитании гражданского, патриотического долга, об обязанностях дворянина и т. д. «Моя исповедь» опубликована буквально рядом с такими работами Карамзина, как «О любви к отечеству и народной гордости»,[6] «Благодеяние»,[7] «О новых благородных училищах, заводимых в России»,[8] «Странность»[9] и др. Здесь особенно рельефно выделяется вопрос о патриотиче-

---

[4] Ю. М. Лотман. Пути развития русской прозы, стр. 31—32.
[5] Там же, стр. 31.
[6] «Вестник Европы», 1802, ч. I, № 4, стр. 56—69.
[7] Там же, ч. II, № 1, стр. 52—55.
[8] Там же, ч. II, № 8, стр. 358—366.
[9] Там же, ч. I, № 2, стр. 52—57.